

ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ НИКИТИН

доктор филологических наук, профессор кафедры славистики, общего языкознания и культуры коммуникации Государственный университет просвещения (Москва, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-2815-6691; olnikitin@yandex.ru

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ АКАДЕМИКА В. М. АЛПАТОВА: К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

А н н о т а ц и я . На основе представленных фактов показано, в какой атмосфере происходило формирование взглядов крупнейшего отечественного востоковеда и лингвиста академика Владимира Михайловича Алпатова. Отмечаются свойства его научной методологии, основные профессиональные интересы и черты индивидуально-авторской манеры научного стиля, энциклопедичность В. М. Алпатова, что отличает его от поколения исследователей XXI века. Обращается внимание на повышенный интерес ученого к сложным проблемам историографии лингвистики, и особенно к персоналиям языковедов и ориенталистов. Указывается, что он одним из первых исследовал марризм и «Дело славистов» в контексте трагических событий советской науки 1930-х годов. Анализируется его автобиографическая книга «Жизнь лингвиста» (2023) с жанрово-стилистической точки зрения как особый научный текст. Подчеркиваются фактологичность, внимание к датам и событиям, живой интерес к достижениям в лингвистике, полемичность отдельных сюжетов. Приводятся личные воспоминания автора статьи об общении с ученым. Сделан вывод о специфике научной школы В. М. Алпатова и ее рецепции в филологическом воображении времени.

К л ю ч е в ы е с л о в а : В. М. Алпатов, языковая личность, научная школа, история языкознания, автобиографичность, лингвистические мемуары, стилистика текста

Д л я ц и т и р о в а н и я : Никитин О. В. Языковая личность академика В. М. Алпатова: к 80-летию со дня рождения // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 5. С. 8–14. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1194

ВВЕДЕНИЕ

Последние десятилетия проблема языковой личности изучается активно и вызывает большой интерес у профессиональной аудитории. Дело в том, что данный вопрос, если рассматривать его в ядре гуманитарного знания, выходит за границы собственно лингвистических исследований и вторгается в культурное пространство герменевтики, философии, социологии и психологии. Он как бы совмещает картины мира разных подсистем и позволяет изучать языковую личность не узко, с позиции коммуниканта, а металингвистически. Вспоминается высказывание Ю. Н. Караулова о том, что в личности «сходятся интересы всех наук о человеке» [10: 3]. В этом ключе могут совмещаться автор и герой [9], текст, его создатель и историко-культурная обстановка времени [14], исторический деятель и эпоха [11], а метатекст объединяться с текстом и т. д. Происходит своеобразный диалог культур, в котором действуют уже другие законы. Такой эксперимент мы про-

вели отчасти в наших беседах с крупнейшим отечественным типологом, востоковедом, теоретиком и историком языкознания академиком РАН Владимиром Михайловичем Алпатовым (род. в 1945 году) [12]. Анализу его научных идей посвящен лингвистический обзор [13]. В данной статье он предстанет перед читателями в необычном образе – одновременно и как языковед, и как герой-рассказчик, не лишенный художественного вдохновения и литературного обаяния.

В. М. Алпатов относится к той редкой когорте лингвистов, которая видит проблему широко, обладает, если так можно выразиться, философским осязанием мира и в этом отношении соответствует классическому пониманию самобытной языковой личности. Это

«та сквозная идея, которая, как показывает опыт ее анализа и описания, пронизывает и все аспекты изучения языка и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека, поскольку нельзя изучать человека вне его языка» [10: 3].

Оценки, идеи, полемика, исторические экскурсы и просто живые наблюдения В. М. Алпатова над современной социокультурной ситуацией в языке иллюстрируют его иерархию ценностей, сложившуюся картину мира. В данной работе мы решили изучить портрет, опираясь на созданные автором тексты, и отметить наиболее характерные для ученого темы, имена и сюжеты, выделить из его биографии те эпизоды, которые, на наш взгляд, показывают В. М. Алпатова в филологическом воображении времени.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ЛИНГВИСТА

В. М. Алпатов немало работ посвятил анализу социолингвистической ситуации в стране. Эта область его интересов показывает, с одной стороны, неизученность данной проблемы, с другой – необходимость поиска решений для преодоления кризиса в этом вопросе. Показательна книга «150 языков и политика 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства» [4], которая рассказывает о том, как формировалась языковая политика начиная с царского времени и до конца XX века. Так, он пишет, что

«позиция большевиков отличалась... последовательной радикальностью: они отвергали австрийский вариант национально-культурной автономии и отстаивали право наций на самоопределение вплоть до отделения, которого И. А. Бодуэн де Куртенэ не допускал даже для родной Польши» [4: 36].

Интересны наблюдения В. М. Алпатова над тем, как складывалась новая языковая политика в 1920–1930-е годы. Вначале, как пишет автор, языковое строительство «шло в каждой из республик и автономий самостоятельно, на основе местных инициатив» [4: 48]. На первом этапе создавались новые алфавиты и литературные языки для народов СССР. Обсуждались также вопросы рациональности той или иной графической системы – «спорили о преимуществах и недостатках кириллицы, латиницы или реформированной арабицы» [4: 61]. А уже в 1930-е годы, когда вектор государственной политики изменился, «любили указывать на то, что в кириллице 33 буквы, а в латинице лишь 26» [4: 61–62]. Важно, что В. М. Алпатов подчеркивал и психологический момент в таком непростом вопросе, как выбор алфавита, а значит – ментально-коммуникативной системы, в недрах которой будет строиться новое общество. Главный вывод заключался в том, чтобы графическая система была «максимально простой и рациональной» [4: 63]. Другой аспект, который подметил ученый, связан с культурной ориентацией народов

на Восток или на Запад. Существовали на территории страны и такие необычные ареалы, где преобладала латиница, – у немцев Поволжья [4: 65]. В книге много и других интересных фактов, говорящих о том, какой непростой путь прошла наука в ее взаимодействии с властью, чтобы найти оптимальную на то время систему письменности. Эта работа ученого особенно важна в современную эпоху, когда даже на профессиональном уровне происходят дискуссии о научном знании, его истоках, гипотезах и псевдогипотезах (А. Т. Фоменко – А. А. Зализняк), часто уводящих общество в ирреальную сторону исследования и искажающих картину мира. Здесь В. М. Алпатов всегда занимает твердую позицию ученого-компаративиста, отстаивающего исторический подход к анализу языковых явлений.

В. М. Алпатов многие статьи и книги посвятил изучению репрессированных ученых. Знаменитое теперь «Дело славистов» [8], ставшее в 1990-х годах символом открытости науки, не устарело как лингвистический факт. Работы такого плана позволяют оценивать прошлое глазами самих ученых, многие из которых были воспитаны в традициях дореволюционной науки, а сами события происходили в эпоху языкового строительства, марровской «эйфории» и культурной революции. Можно согласиться с авторами книги, что «дело было одним из звеньев кампании против старой русской интеллигенции» [8: 3]. Эту страшную страницу в научной биографии страны открыли Ф. Д. Ашнин и В. М. Алпатов, по сути, совершив подвиг в обнародовании ранее закрытых документов. Судьбы репрессированных ученых показаны в русле событий того времени: не только анализируются факты, личные контакты, но и показываются характеры А. М. Селищева, Н. Н. Дурново, В. В. Виноградова. Можно сказать, что перед читателями открылась трагическая галерея психолингвистических портретов. Именно эта черта исследовательских трудов В. М. Алпатова особенно привлекает, поскольку позволяет проникнуть в «человековедческую» сторону науки.

На формирование языковой личности В. М. Алпатова повлияли больше всего родители и та среда, в которой он воспитывался. Это историки, филологи, скульпторы – московская интеллигенция 1950–1970-х годов:

«Видел я не так много известных людей, в основном историков, иногда филологов. Запомнились Б. Ф. Поршнев, Д. С. Лихачёв. Из деятелей искусства вспоминаю совсем немногих. В том числе это знаменитый хореограф К. Я. Голейзовский. Мать в юности занималась балетом и училась у него... Человек он был очень нестандартный» [12: 202].

Затем учеба в главном университете страны и знакомство с «филологией в лицах». Неожиданный поворот в сторону японского языка, который только начали преподавать в Отделении теоретической и прикладной лингвистики, перевернул биографию В. М. Алпатова, и после окончания МГУ он поступил в аспирантуру академического Института востоковедения и проработал там не один десяток лет. Его статьи и книги о японском языке и культуре стали вехой в биографии ученого и визитной карточкой отечественной науки [1], [5]. Эта область его историко-лингвистических интересов заслуживает более пристального рассмотрения в специальной статье. Но интерес к востоковедной проблематике не ограничивался у В. М. Алпатова только изучением Японии. Он многое сделал для воссоздания социолингвистической ситуации в СССР в 1920–1930-е годы, написал статьи о Е. Д. Поливанове и марризме [6].

М. А. Алпатов. 11 июля 1976 года. Подпись на обороте: «М. А. Алпатов. В день отъезда из Кисловодска во время пребывания в Решетовке. Фото А. Петренко». Фото из архива В. М. Алпатова

M. A. Alpatov. 11 July 1976. The note on the reverse side reads "M. A. Alpatov. On the day of departure from Kislovodsk during a stay in Reshetovka. Photo by A. Petrenko". Photo from the archive of V. M. Alpatov

Отдельная страница в биографии В. М. Алпатова связана с изучением персоналий лингвистов, историков и востоковедов. Его привлекают не только их достижения в науке, но и полемика того времени (Волошинов – Бахтин – Фердинанд де Соссюр; Марр – Поливанов; «Дело славистов» и др.), личные черты во многом трагических героев, противостоявших натиску марризма. Эти статьи и книги уже стали классическими [2], [7].

Для характеристики языковой личности важны не только научные труды, но и работы совсем другого плана, показывающие личность в движении мысли, идей – в рефлексии. Таким популярным источником в последние годы стала лингвомемуаристика, открывающая мир ученого сообщества как бы изнутри. Есть такой труд и у В. М. Алпатова – «Жизнь лингвиста: воспоминания»¹. Он примечателен тем, что показывает формирование Владимира Михайловича как ученого на разных этапах его биографии. Это прежде всего оценки имен и событий, которые повлияли на становление его лингвистического мировоззрения. Это и его семья: отец – известный историк и писатель, мать – крупный византист, жена – литературовед. В книге ученый выступил и в другом ключе: он неформально, без ссылок на источники и литературу, по-человечески рассказал свою биографию. Воспоминания В. М. Алпатова интересны как документальный жанр, где автор описывает историю семьи, годы учебы в МГУ и работу в Институте востоковедения, а также дает живые портреты его близких коллег – В. А. Звегинцева, С. А. Старостина, А. Н. Барулина и др. Заслуживает внимания рассказ ученого о дореволюционном быте семьи – история рода, в котором немало примечательного:

«Две старшие сестры (бабушки. – О. Н.) решились отправиться прямо в Сорбонну, где получили диплом преподавателя французского языка. В детстве я часто слышал рассказы Галины Дмитриевны о Париже, где она бывала в компаниях русских эмигрантов. Она дружила с революционером Сергеевым, вошедшим в историю как Артём, а в одном из шапочных знакомых впоследствии опознала Ленина и даже опубликовала об этой встрече воспоминания» (5–6).

В описании личной истории, особенно жизненных линий своих предков, В. М. Алпатов, всегда строгий и по-научному педантичный, проявляет черты самобытного писательского темперамента – его слог становится лиричным. Это отражает реальные картины событий в периоды больших переломов, когда биография причудливо пересекалась с переворотами в истории. Приведем еще один такой колоритный эпизод:

«Сравнивая бабушку с теми двумя её сёстрами, которых я хорошо знал, не могу сказать, что она была менее культурна. Помимо музыки, она много читала. <...> После свадьбы семья сначала жила в Царицыне, а в 1916 г. Владимир Амвросьевич купил у генерала Киреева дом и большой участок земли возле станции Минутка под Кисловодском... В 1918 г. там родилась вторая дочь (моя мать). ... в 1920-е гг. семья переехала в меньший дом в самом Кисловодске. Там жили за счёт сдачи комнат на лето интеллигентным курортникам, среди постояльцев были В. И. Качалов, В. В. Вересаев, Ю. Н. Тынянов, академик П. Н. Сакулин» (10).

В. М. Алпатов трогательно, с особым филологическим темпераментом рассказывает и о судьбе своего отца, которая могла измениться в любой момент, но ему повезло: он стал историком и писателем, сохранил природную индивидуальность, написал яркие повести и даже роман и смог реализовать себя в жизни. Для автора воспоминаний это «хождение по мукам» отца было, очевидно, очень важно для самовоспитания и становления языковой личности:

«Мальчик ещё недавно пас скот и готовился стать сапожником, а теперь учил немецкий и латынь, которую полюбил на всю жизнь (когда я стал студентом, он меня гонял по латинским склонениям и спряжениям). Ещё он учился играть на мандолине и всерьёз осваивал рисование (тогда и даже позже мечтал стать художником), играл в драмкружке, где ставили “Два брата” Лермонтова.

И, по-видимому, как раз тогда ему впервые захотелось стать историком. Решающую роль здесь сыграл директор гимназии и преподаватель истории Митрофан Петрович Богаевский, прозванный “донским златоустом” (он упоминается в “Тихом Доне”»)» (31).

Владимир Михайлович обладает безусловным прозаическим талантом и художественным чутьем: реалистично, красиво, без обилия эпитетов, но очень «кинематографично» он передает свою личную историю так, что она становится интересна остальным и надолго задерживается в памяти:

«...отец писал не только по историографии. Более тридцати лет в нём боролись историк и писатель. ... в 1948 г. ... он вдруг стал записывать вспомненную им речь казака во время празднования столетия войны 1812 г., которую он слышал в детстве. <...> Как и в области истории, начинающий писатель, которому было уже под пятьдесят, сразу поставил глобальную задачу: написать роман. Работа над ним шла около двадцати лет, время действия и название несколько раз менялись, итоговое название “Горели костры”, а временные рамки сократились до периода с 1902 до 1905 года» (45).

В воспоминаниях немало ярких, живых эпизодов: начало студенческой жизни; обстановка и люди филологического факультета МГУ в 1960-е годы, когда открылось новое Отделение теоретической и прикладной лингвистики, на котором учился В. М. Алпатов; лингвистические олимпиады [3] и многое другое. Автор рассказывает о молодых языковедах, только начинающих свою карьеру, но уже заявивших о себе как оригинальных исследователей: на факультативных курсах

«познакомился с двумя знаменитыми, тогда молодыми лингвистами А. А. Зализняком и А. Б. Долгопольским. <...> Глядя на Андрея Анатольевича, я всегда его немного побаивался, хотя он был вполне демократичен: чувствовал, что со слишком большой величиной имею дело. Но в 1982 г., готовясь к защите докторской

диссертации, я всё-таки рискнул обратиться к нему, и он стал моим оппонентом» (76–77).

Очень колоритны портреты лингвистов старшего поколения, которых знал будущий ученый еще со студенческой скамьи, – В. В. Виноградова, В. А. Звегинцева, П. С. Кузнецова, Т. П. Ломтева, Н. И. Жинкина и др. Автор воспоминаний не только подчеркивал профессиональные качества и их достоинства, но и рассказывал о забавных ситуациях, деликатно говорил об их слабостях, показывая своих кумиров с разных сторон. И здесь филологическое воображение В. М. Алпатова рисовало действительно неподражаемые портреты, сохранившие удивительный колорит личностей. Например, о П. С. Кузнецове он говорил с чувством личной симпатии, иронией и даже любовью, а Т. П. Ломтев, напротив, удивил студента своей безграмотностью:

«Кузнецов был живой историей советского языкознания <...>. От него мы узнали имена Е. Д. Поливанова, Н. Ф. Яковлева, Л. И. Жиркова, В. Н. Сидорова и других. Сам он с 20-х гг. активно участвовал в нашей лингвистической жизни, в схватках и дискуссиях. <...>. Непрактичный, мягкий и рассеянный в бытовой сфере (любил говорить, что дома гвозди забивает жена), чуждавшийся политики, он всегда был принципиален и боевит в важных для него научных вопросах. ... П. С. Кузнецова мы не всегда внимательно слушали, но, безусловно, уважали. Иначе было с Т. П. Ломтевым (1906–1972). Сам он был из “выдвиженцев” и при любви к теории до конца жизни не мог преодолеть пробелов в культуре, сохранившихся с крестьянского детства. Нас поразило, что профессор русского языка пишет с ошибками» (71–72).

Более подробно (этому посвящены отдельные главы) В. М. Алпатов рассказывает о своих коллегах – С. А. Старостине и А. Н. Барулине. Первого он назвал «потомственным полиглотом» и «выдающимся лингвистом широкого профиля» (188). В биографии С. А. Старостина В. М. Алпатов подмечает нетипичные черты, и в том числе интерес к редким языкам: «Особенно много учёный занимался изучением алтайских языков, включая японский» (191–192). В характеристике языковой личности С. А. Старостина он отмечает необычные свойства характера, показывает бытовое поведение, говорит о научной одержимости: он мог работать в любых условиях и был, можно сказать, фанатиком-идеалистом, искавшим не одну, а много истин в лингвистике. Эти слова Владимира Михайловича по-художественному красивы, лиричны и памятны как оценка жизненного пути друга, сделавшего за короткий срок очень много и оставившего значительный след в языкознании:

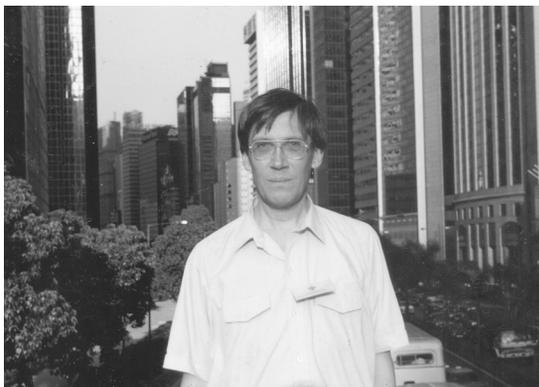
«Сам Сергей был неприхотлив, легко переживал бытовые трудности. ... Старостин просто не мог не рабо-

тать. Мы не нашли айнов, но он тут же начал изучать язык нивхов, а затем и язык корейцев» (199).

Приведенные выше фрагменты из книги В. М. Алпатова «Жизнь лингвиста» впервые показывают нам ученого не просто как теоретика языкознания, востоковеда, социолингвиста, а открывают иную грань его таланта: перед нами В. М. Алпатов-мемуарист, сумевший совместить последовательный историзм в изложении событий с документальными картинками быта, учебы, диалогами и монологами, шутками – разными жизненными ситуациями, из которых и сложилась биография незаурядного ученого. Портрет его языковой личности без этих деталей был бы далеко не полным.

Известный литературовед Е. А. Стеценко, жена В. М. Алпатова, в книге своих воспоминаний нарисовала такой портрет супруга:

«Муж мой был во всех отношениях человек неординарный. ... самые главные люди в жизни, мама и муж, оказались людьми уникальной интеллигентности, благородства и доброты. Вова к тому же обладал незаурядными способностями и феноменальной памятью, был энциклопедически образован и невероятно трудолюбив – вся его жизнь была сосредоточена на науке. Однако в быту, который мало его интересовал, он проявлял полную беспомощность, и мне пришлось взять на себя все жизненные проблемы»².

В. М. Алпатов в научной командировке в Японии. Токио, 1985 г. Фото из архива В. М. Алпатова

V. M. Alpatov on a scientific mission to Japan. Tokyo, 1985. Photo from the archive of V. M. Alpatov

Мы осветили лишь немногие свойства языковой личности В. М. Алпатова, пролистав некоторые книги и обращая внимания на те сюжеты в его биографии, которые показывают портрет неординарного ученого. В научном наследии В. М. Алпатова удачно соединяются строгие лингвистические методы, внимание к деталям и фактам разных языков и живой интерес к судьбам ученых, их биографиям. В этом смысле В. М. Алпатов действительно создал энциклопедию филологии в лицах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Имя В. М. Алпатова уже давно стало символом лингвистики XX–XXI веков и стоит в одном ряду с П. С. Кузнецовым, Б. А. Серебренниковым, В. А. Звегинцевым, Ю. С. Степановым, А. А. Зализняком, Ю. Д. Апресяном, В. А. и Б. А. Успенскими, несмотря на разницу во взглядах, подходах и профессиональных интересах. Его жизнь почти целиком посвящена служению науке. В кругу коллег он занимает особое положение главного историографа лингвистики – пунктуального, внимательного к деталям, уважающего и знающего архивы, честного и беспристрастного в изложении неудобных фактов, увлеченного и ищущего истину.

Как личность Владимир Михайлович всегда имеет свой взгляд и не боится его высказывать, не ищет модных трендов и не гонится за этикетной славой. Выступает по существу и нередко в разрез с «общественным мнением». В отстраненности от быта, непрактичности, возможно, и заключается неповторимость личности, одержимой мыслью как историческим провидением. А оно, как известно, снисходит далеко не на каждого.

Больше всего меня поражает обаяние его ума. Он притягивает собеседника потрясающим знанием герменевтики, великолепными рассказами. В. М. Алпатов – Лингвист с большой буквы. Он беспрестанно трудится и личным примером вживляет в нас веру в духовную силу интеллектуального труда.

В. М. Алпатов раскрылся не только как языковед и историк, но и как оригинальный прозаик-мемуарист, из-под пера которого вышли весьма примечательные воспоминания «Жизнь лингвиста». Такой автобиографический поворот добавляет к языковой личности ученого новые черты, возможно, не проявившиеся в его научных трудах: здесь присутствуют писательская рефлексия, лиризм, элементы пейзажа и изобразительности. ... И вместе с тем даже такой популярный жанр демонстрирует действительно энциклопедическую память В. М. Алпатова. В своих воспоминаниях он одновременно и прозаик, и лингвист, и философ, и историк, и просто наблюдательный человек, подмечавший много интересных фактов, которые он интерпретировал по-своему, нетривиально и с высоким реалистичным писательским пафосом.

Время оценки В. М. Алпатова как лингвиста еще не пришло, но мы можем подступиться к этому вначале с другой стороны – набросать штрихи к портрету его языковой личности, которая не умещается в принятые характеристики

«стандартного» ученого. Он филолог гумбольдтовского толка: своей деятельностью он показывает «сгустки» философии языка, мастерски разгадывает тайны прошлого и даже заглядывает в будущее, питает живой интерес ко всем языкам... К его облику можно применить известный афоризм В. фон Гумбольдта:

«Умственные занятия оказывают на человека такое благотворное влияние, какое солнце оказывает на природу; они рассеивают мрачное настроение, постепенно облегчают, согревают, поднимают дух»³.

Пусть этот лингвистический дух живет вечно и сохраняет в человеческой природе высокое предназначение науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Алпатов В. М. Жизнь лингвиста: воспоминания. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2023. 216 с. Далее цитируется по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.
- ² Стеценко Е. А. Не дать исчезнуть: воспоминания / Сост. В. М. Алпатов. Чебоксары: Интерактив плюс, 2019. 103 с.
- ³ <https://www.litres.ru/book/raznoe-55610/larec-mudrosti-aforizmy-velikih-mysliteley-2902497/chitat-onlayn/?page=6> (дата обращения 24.01.2025).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов В. М. Япония: язык и общество. М.: Наука, 1988. 134 с.
2. Алпатов В. М. История одного мифа. Марр и марризм. М.: Наука, 1991. 240 с.
3. Алпатов В. М. Лингвистические олимпиады // Новый педагогический журнал. 1996. № 2. С. 52–59.
4. Алпатов В. М. 150 языков и политика 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. 2-е изд., доп. М.: Крафт+: Институт востоковедения РАН, 2000. 224 с.
5. Алпатов В. М. Япония: язык и культура. М.: Языки славянских культур, 2008. 206 с.
6. Алпатов В. М. Языковеды. Востоковеды. Историки. М.: Языки славянских культур, 2012. 374 с.
7. Алпатов В. М. Избранные труды XX века. М.: Языкознание, 2023. 459 с.
8. Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М. «Дело славистов»: 30-е годы. М.: Наследие, 1994. 284 с.
9. Бахтин М. М. Автор и герой: к философским основаниям гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 263 с.
10. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
11. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII–XIX века). СПб.: Искусство-СПБ, 1999. 414 с.
12. Никитин О. В. Человек-энциклопедия. Беседы о лингвистике и не только с академиком В. М. Алпатовым (I) // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 1. С. 187–225. DOI: 10.18384/2224-0209-2025-1-1592 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/1592/1340> (дата обращения 24.01.2025).
13. Никитин О. В. Академик В. М. Алпатов и его лингвистические взгляды в контексте научных поисков и открытий XX–XXI вв. // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2025. Т. 11, № 1. С. 3–25. DOI: 10.18413/2313-8912-2025-11-1-0-1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rrlinguistics.ru/media/linguistics/2025/1/%D0%9B%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D0%B2%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0-1-3-26.pdf> (дата обращения 24.01.2025).
14. Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 1–2. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956–1961.

Поступила в редакцию 11.02.2025; принята к публикации 05.05.2025

Original article

Oleg V. Nikitin, Dr. Sc. (Philology), Professor, Federal State University of Education (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-2815-6691; olnikitin@yandex.ru

LINGUISTIC PERSONALITY OF ACADEMICIAN V. M. ALPATOV: CELEBRATING HIS 80TH ANNIVERSARY

Abstract. The article analyzes the linguistic personality of Academician V. M. Alpatov (born in 1945), a prominent Russian orientalist and linguist. The author uses reliable facts to reconstruct the atmosphere in which the scholar's views were formed. The article focuses on the specific features of his scientific methodology, main professional interests, the unique characteristics of his scientific style, and the encyclopedic nature of his knowledge, which distinguishes him from the researchers of the XXI century. Alpatov paid particular attention to the complex problems of historiography of linguistics, particularly to the personalities of linguists and orientalists. It is pointed out that he was one of the first researchers to study Marrism and the “Slavists Case” in the context of the tragic events of Soviet science in the 1930s.

The article examines Alpatov's autobiographical book *The Life of a Linguist* (2023) in terms of genre and stylistics as a specific scientific text, with a particular focus on factual reliability, attention to dates and events, keen interest in the achievements in linguistics, and polemic nature of individual storylines. The author of the article also refers to his personal reminiscences of his interaction with V. M. Alpatov. Based on this, a conclusion is made about the specifics of Alpatov's scientific school and its reception in the philological imagination of the time.

Key words: V. M. Alpatov, linguistic personality, scientific school, history of linguistics, autobiographical nature, linguistic memoirs, text stylistics

For citation: Nikitin, O. V. Linguistic personality of Academician V. M. Alpatov: celebrating his 80th anniversary. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(5):8–14. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1194

REFERENCES

1. Alpatov, V. M. Japan: language and society. Moscow, 1988. 134 p. (In Russ.)
2. Alpatov, V. M. The history of a myth: Marr and Marrism. Moscow, 1991. 240 p. (In Russ.)
3. Alpatov, V. M. Linguistic olympiads. *New Pedagogical Journal*. 1996;2:52–59. (In Russ.)
4. Alpatov, V. M. 150 languages and politics of 1917–2000. Sociolinguistic problems of the USSR and the post-Soviet space. Moscow, 2000. 224 p. (In Russ.)
5. Alpatov, V. M. Japan: language and culture. Moscow, 2008. 206 p. (In Russ.)
6. Alpatov, V. M. Linguists. Orientalists. Historians. Moscow, 2012. 374 p. (In Russ.)
7. Alpatov, V. M. Selected works of the XX century. Moscow, 2023. 459 p. (In Russ.)
8. Ashnin, F. D., Alpatov, V. M. The Slavists Case: the 1930s. Moscow, 1994. 284 p. (In Russ.)
9. Bakhtin, M. M. The author and the hero: the philosophical foundations of the humanities. St. Petersburg, 2000. 263 p. (In Russ.)
10. Karaulov, Yu. N. The Russian language and linguistic personality. Moscow, 2010. 264 p. (In Russ.)
11. Lotman, Yu. M. Conversations about Russian culture: life and traditions of the Russian nobility (XVIII–XIX centuries). St. Petersburg, 1999. 414 p. (In Russ.)
12. Nikitin, O. V. The thesaurus personality. Dialogues on linguistics and beyond with Academician V. M. Alpatov (I). *Russian Social and Humanitarian Journal*. 2025;1:187–225. DOI: 10.18384/2224-0209-2025-1-1592. Available at: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/1592/1340> (accessed 24.01.2025). (In Russ.)
13. Nikitin, O. V. Academician V. M. Alpatov and his linguistic views in the context of research and discoveries of XX–XXI centuries. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. 2025;11(1):3–25. DOI: 10.18413/2313-8912-2025-11-1-0-1. Available at: <https://rllinguistics.ru/media/linguistics/2025/1/%D0%9B%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D0%B2%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0-1-3-26.pdf> (accessed 24.01.2025). (In Russ.)
14. Tomashevsky, B. V. Pushkin. Books 1–2. Moscow; Leningrad, 1956–1961. (In Russ.)

Received: 11 February 2025; accepted: 5 May 2025